субсидиарную ответственность по долгам учреждения учредитель (собственник имущества) несет только в случае недостаточности денежных средств, как поступающих из бюджета, так и доходов, полученных им от предпринимательской деятельности.

Тем не менее, в настоящее время суды стоят на позиции, согласно которой учреждение по своим обязательствам должно отвечать как денежными средствами, выделенными собственником по смете, так и полученными от осуществления приносящей доходы деятельности, а также иным приобретенным от приносящей доходы деятельности имуществом, и только в случае их отсутствия сам собственник (учредитель) привлекается к субсидиарной ответственности.

1. Указ Президента РФ от 11 июля 2004 года № 868 (ред. От 24 октября 2018 года) «Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»
2. Приказ от 6 августа 2004 г. № 372 «Об утверждении положения о территориальном органе МЧС России - органе, специально уполномоченном решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъекту Российской Федерации»
3. Постановлением Правительства РФ от 13.08.2002 года № 592 «Об образовательных учреждениях МЧС России» с учетом распоряжения Правительства РФ от 03.04.2006 года № 458-р
4. Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 01.08.2005 года № 1140
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018)

Лисицына Е.Н.

Понятие жертвы в прецедентном праве Европейского Суда по правам человека

*Тамбовский государственный технический университет
(Россия, Тамбов)*

doi:10.18411/spc-20-11-2018-07

ids: 000001:spc-20-11-2018-07

Как указывают многие известные специалисты в области конституционных аспектов европейского права, вся «система защиты прав человека в Европе построена на судебной практике Суда ЕС и Европейского Суда по правам человека».

Действительно, принципы защиты прав человека в Европейском Союзе закреплены в статье 6(1) Маастрихтского Договора, который подчеркивает, что «Союз основан на принципахуважения прав человека и основных свобод, а также господства права – принципах, общих для всех государств-членов». В последствии Амстердамский договор включил данную статью в компетенцию Суда ЕС. В результате Римская конвенция о защите прав и основных свобод составила неотъемлемую часть права Европейского Союза (в качестве «принципа уважения прав человека и основных свобод»). Практика Суда Европейских Сообществ представляет собой важнейший источник европейского права, наряду с учредительными договорами. Как же соотносятся решения Суда ЕС и положения Римской Конвенции? Возможен ли конфликт юрисдикций в данном случае? И наконец, как указывает было ли правильно с правовой точки зрения распространять компетенцию Суда ЕС на статью 6 Маастрихтского договора, принимая во внимание тот факт, что в рамках Европейских Сообществ Суд ЕС уже сформировал (посредством своих прецедентов) достаточно эффективную систему защиты прав человека.

Сама Римская конвенция о защите прав и основных свобод представляет собой краткий документ. Деятельность Европейского Суда в Страсбурге однако, не сводится исключительно лишь к толкованию и применению норм права, изложенных в Конвенции. Среди многочисленных примеров отступления Суда от традиционной исключительно правоприменительной роли можно назвать решение «Голдер против

Великобритании», в котором Суд указал, что «преамбула к договору образует неотъемлемую часть его контекста... Преамбула бывает полезна при определении объекта и цели международно-правового акта при его толковании».

На основе этого решения Суд сумел сформулировать один из основных принципов Конвенции: верховенство права и сохранение наследия политических традиций и идеалов уважения свободы. В частности, данный принцип был сформулирован в решении «Серинг против Великобритании» от 1989 г., где Суд принял решение о том, что решение об экстрадиции человека властям государства, в котором ему угрожают пытки, противоречит Конвенции. Как указывают многие исследователи, принципом, изложенным в деле «Голдер против Великобритании» общие идеологизированные понятия, будучи включенными в текст Преамбулы, обретают очевидное правовое, нормативное значение.. Опираясь на Преамбулу, Суд «открыл» в Конвенции некоторые защищаемые ею права, прямо не выраженные в ее тексте.

Более того, можно привести примеры «автономных определений», которые дает Суд в своих решениях, фактически формируя нормы права, определяющие те или иные правовые понятия. В качестве примера подобного нормотворчества можно привести понятие «жертвы». Согласно статье 34 Конвенции «Суд принимает жалобы от ... лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения ... их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней». Суд в своих решениях не только дал определение понятию «жертвы», но и вывел два «дочерних» понятия: потенциальной и косвенной жертвы. В данном случае, как представляется, Суд несомненно вышел за пределы полномочий по «толкованию и применению положений Конвенции», как об этом говорится в статье 32 Конвенции. Согласно определению, данному Судом понятию «жертвы», нарушение Конвенции может быть связано лишь с нанесением личного, непосредственного вреда истцу. Абстрактные жалобы, не связанные с нанесенным прямым вредом истцу, будут отклонены Судом, что следует из ряда решений Суда: решение № 867/60, где истцу было отказано в принятии к рассмотрению дела, поскольку ему не удалось доказать, что он является жертвой законодательства об абортах. Или в решении по делу № 9900/82 о праве профсоюзов возбуждать иски от имени своих членов, где Суд указал, что для осуществления этого права общественная организация должна являться непосредственно пострадавшей от нарушения Конвенции.

Более того, Суд сформировал нормы права, определяющие ситуации, в которых положения Конвенции будут применяться даже при полном или частичном отсутствии признаков «жертвы». Таково правовое положение «потенциальной» и «косвенной» жертвы. Истцы могут быть признаны «потенциальной» жертвой при условии, например, когда вред еще не причинен, но вероятность его причинения достаточно велика, как в случае с применением национального законодательства, «потенциально» угрожающего нарушением прав и свобод истца. Такова была ситуация в деле Даджен от 1981 года или Норрис от 1988 года. Наиболее четко и полно подобное понятие было сформулировано в деле *Open Door and Dublin Well Woman*. В данном деле заявители обратились с жалобой на нарушение положений Конвенции введенными государством мерами, согласно которым юридические фирмы лишались права предоставлять обратившимся к ним женщинам информацию о возможности сделать аборт за границей. Заявительницы не были беременны на момент подачи жалобы, но тем не менее они были признаны Судом жертвами нарушения на основании того факта, что эти женщины относились к категории детородного возраста и потому высока была вероятность того, что они могли оказаться непосредственно пострадавшими.

В деле, где заявитель обратился с жалобой на возможность нарушения права на уважения частной жизни и переписки на том основании, что в Германии действуют нормы права, разрешающие вести тайное наблюдение за лицами без уведомления

соответствующих сторон, Суд отметил: «... встает вопрос о том, нужно ли лишать человека возможности подать заявление в Комиссию только на том основании, то в силу секретности мер, против которых выдвигается возражение, он не может указать какую-либо конкретную из них, направленную специально против него... ».

Таким образом, Суд, толкуя понятие жертвы, указанное в тексте Конвенции, формулирует новые нормы права, давая определение данному понятию и ограничивая круг лиц, имеющих право подать жалобу на нарушение их прав.

В дополнение к понятию «потенциальной» жертвы Суд выделил также и понятие «косвенной» жертвы. Заявитель может быть признан косвенной жертвой в случае, если даже он не понес непосредственного личного ущерба, когда он является родственником или имеет тесные личные связи с лицом, являющимся непосредственной жертвой. При этом родственники должны иметь достаточный личный интерес, оправдывающий подачу жалобы в Суд, что было зафиксировано Судом в деле Кофлер.

Как представляется, позиция Суда заключается в том, чтобы максимально расширить круг лиц, которые имеют право подачи жалобы. Именно в этом и состоит гарантия защиты и осуществления прав человека.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. / Доступ из справочно-правовой системы Гарант.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 14). Принята в 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. № 2 от 08 января 2001 г. ст. 163.
4. Султанов А. Р. Очерк о применении норм Конституции Российской Федерации и исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 283-313.
5. Сухов Э.В. Проблема противоречий решений Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Социально – политические науки. 2011. N1. С. 66-69.
6. Тихоновский Д. С. Судебная практика в системе источников Европейского права: Дисс. ... д.ю.н. М., 2004.
7. Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Наука, 2001. 235 с. Большая Палата ЕСПЧ признала, что Россия не отвечает за конкурсных управляющих [Электронный ресурс] / <http://european-court.ru/oleg-anishchik/> / (дата обращения 15.08.2017).
8. Горбунова Н.Е. Европейский Союз как политическая интеграционная модель: теория и практика: автореф. дисс. ... к.полит.н. М. 2005. 23 с.

Уханов А.Д.

Правовая установка в контексте теории правовой ментальности

*НИУ «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-20-11-2018-08

idsp: 000001:spc-20-11-2018-08

Теория правовой ментальности, формирующаяся в рамках отечественной теории права, предлагает комплексный взгляд на правовую действительность. Для того, чтобы описать связь между некоторыми явлениями, уложить наличные процессы в определённую логику, теория оперирует специфическим языком, вводя новы или придавая ранее известным понятиям и категориям необходимые смыслы. В ряду понятий, активно используемых теорией правовой ментальности, особо следует выделить понятие «правовая установка».

Как и иные понятия теории правовой ментальности понятие правовой установки несёт на себе довольно заметный семантический налёт психологической науки. Это так